

помогает с помощью заклятья. «Троещипленница» — опять об осенней погоде, деревенском быте и курице, съеденной по обряду.

В самой длинной сказке «Зайка» [15, с. 375—391] большая часть текста не содержит никакой метризации [15, с. 378—385, 387, 389], есть она — четкая — в начале, непоследовательная в конце (когда девочка Зайка возвращается домой после опасных приключений и плена у разбойников) и понемногу, с уклоном в тактовик, еще кое-где [15, с. 375, 376—377, 386, 388, 390—391]. Это, конечно, эксперименты с речью без какого-то специфического функционального задания.

Вместе с тем в «декадентской» повести «Часы» (1908, писалась в 1903—1904 гг.) лишь два совсем коротких пассажа метризованы двусложником и дольником [16, с. 20, 36]. Но именно в рецензии на «Часы» Н. С. Гумилев отрицательно высказался о метризованной прозе [17, с. 212].

В романе «Пруд» (1905, отдельное издание — 1908) проза вообще довольно ритмична, в частности благодаря коротким абзацам, хотя роман этот гораздо меньше пронизан лирическим началом, чем «В плену» и «Посолонь». Отдельные же места отчетливо метризованы. Первый дольниковый отрезок — молитва отца Глеба, несобственно-прямая речь [18, с. 67—68]. Далее отдельные метризованные места тоже связаны с «церковной» тематикой — колокольным звоном (рефрен [18, с. 86 и 88]), церковной службой (с инверсией: «... из скорбей выплывающий, над всеми звучит головами: /Мир вам» [18, с. 90]), но не только. В общем напряженность и драматизм также сопутствуют этой форме [18, с. 89]. С рефреном «Любите же меня, любите!» (он же и первая строка) дан двусложниковый лирический пассаж, в котором немало коротких строк, как в стихе (конец главы XIX 1-й части [18, с. 111]). В конце III главы 2-й части, драматически напряженным, «толчками» простирают сквозь прозу то двусложниковый, то тактовиковый и дольниковый ритм [18, с. 162]. Есть и другие явные случаи [18, с. 112, 167, 183—184, 231, 283] и спорные места. Метризуются лирические описания (осенний пейзаж [18, с. 231]) или лирические и одновременно драматические раздумья. Так, в финале Глеб рассуждает (опять это несобственно-прямая речь, она не оформлена как прямая):

«Отчего ж не могу я молиться Родному и Равному, но из царства иного?

Проклятие — царство мое, царство мое — одиноко.

Люди и дети и звери мимо проходят скорчась, со страхом.

Я кинулся в волны, волны земные.

Ты мне ответишь?..

Ты сохранила образ мой странный и зов в поцелуе?» [18, с. 283].

Большинство метризованных вставок в романе обособлено пробелами.

В сборнике 1907 г. «Лимонарь сиречь: Луг духовный» частично метризован апокрифический рассказ «Гнев Ильи Пророка, от него же сокрыл Господь день памяти его» — кульминационная сцена битвы Ильи Пророка с бесовскими силами [19, с. 49—53] и описание печальных для земли последствий его усердия и ожесточения: «Задавлены пчелы, замочен рой. Без листьев деревья. Голо орешенье. Задущены птицы. Побит скот. Ни шерстинки. Поломан горох. Помята капуста» [19, с. 54]. Метризация невыдержанная и завуалированная отрывистостью коротких фраз. Ремизов экспериментирует с графикой, в частности расставляет слова столбиком [19, с. 53—54], но без связи с метризацией.

Если в повести, сборнике сказок и романе Ремизов отдает предпочтение трехсложниково-дольниково-тактовиковой метризации по сравнению с двусложниковой, то в «Трагедии о Иуде принце Искариотском» (1908) оживляет прозу главным образом двусложником. Это переключка со стихотворными, ямбическими песнями. Родовая традиция сочетается с архаизацией, но относительной и подчеркнута условной, язык персонажей иногда намеренно «русифицирован» — Пилат не только называет себя «дурой набитой», но и прямо заявляет Иуде: «Кажется, по-русски я тебе сказал: хочу, чтобы ты женился». Другой персонаж, Зиф, так